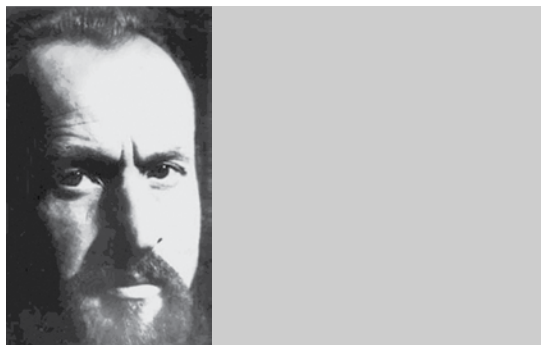

Эдуард Смирнов

Смирнов Эдуард Григорьевич (1939–2005) родился во Ржеве. Окончил четыре курса МГУ по специальности «искусствоведение». Художник, поэт. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Урал», «Бельские просторы» и др. изданиях. Автор книг стихотворений: «Дом с нарисованным окном» (кассета под общим названием «Переключки. Стихи и поэмы. Книга в книге», Уфа, 1990), «Грузчик и Роза» (Пермь, 1993). Участник АСУП-1. Жил в Уфе.

Филологическая маркировка стихов Э.С.

Традиции, направления, течения: модернизм, сюрреализм, экспрессионизм, неокакмеизм, метареализм (метаметафоризм), постмодернизм, постконцептуализм.

Основные имена влияния, переключки: А. Рембо, О. Мандельштам, Б. Пастернак, Е. Евтушенко, В. Некрасов.

Основные формальные приемы, используемые автором: метафоризм, автопсихологизм, лирическое высказывание, эклектизм, музыкальность, интертекстуальность, эстетика безобразного, словотворчество, эксперимент с формой.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: отношения с любимой, быт, снег, термальные состояния холода/тепла, Юг как топос, контрасты, ночь, физиологическая ущербность, речь, поэзия, поэт.

Творческая стратегия: постоянная смена стратегий, поиск новых форм; эстетическое самооправдание.

Коэффициент присутствия: 0,1

ОБ ЭДУАРДЕ СМИРНОВЕ

(компиляция из свободных источников), авторы Н. Грахов, В. Кальтиди.

С середины 70-х прошлого и до начала нашего века поэт Эдуард Смирнов был несомненным лидером

неформальной поэзии современного Башкортостана. Его яркая и запоминающаяся личность сразу привлекала к себе внимание, а в маленькой его однокомнатной квартирке на четвертом этаже в доме по улице Кирова, сразу за рестораном «Башкирия», можно было встретить людей разных. Это мог быть оперный бас и довольно известный художник Борис Торик, а могла быть и тогдашняя первая скрипка оркестра Башкирского оперного театра, мог быть бывший карточный шулер, а ныне импресарио какой-то эстрадной группы, но могли быть и поэт Газим Шафиков с прозаиком Русланом Максютковым. Поэты, художники, начинающие поэты, врачи «скорой помощи» и просто любители книг – все они, как в каком-то калейдоскопе, бесконечно сменяя друг друга, вращались вокруг Эдуарда. Вот как описывал эту уфимскую среду Газим Шафиков: «Богема – это во многом боязнь не оказаться в стороне от этой талантливой и в чем-то загадочной стаи, которая чутко отслеживает наиболее интересных и ярких молодцов и барышень, как магнитом притягивая их в свой круг, выход из которого один: или ты остаешься наедине с самим собой и пробиваешь себе дорогу исключительно собственными силами, что крайне трудно, или принимаешь законы этой самой богемы и становишься членом ордена, который нередко решает дальнейшую твою судьбу: «быть или не быть?». В этом смысле поэтическую богему можно смело ставить рядом с какой-нибудь бандитской шайкой, которая действует примерно по таким же своим «понятиям», собирая в свои ряды тех, кто одарен в совершенно другом качестве – в умении жульничать. В этом смысле создается странное двуединство: быть талантливым в двух крайностях: ради людей и – против них...». Определение жесткое и, кажется, не совсем справедливое. Но как посмотришь на постоянно пополняемый список «ушедших так рано», сразу же отпадает желание полемизировать на этот счет.

Короче: первая книга стихотворений Э.С. должна была выйти еще к концу семидесятых годов. Но случайный привод в милицию во время очередного «творческого загула» разрушил все – последовал звонок в Башкирское книжное издательство, где, как следствие, уже набранная и отредактированная корректура книги пошла в разбор. Времена были жесткие, и это тогда вычеркивало фамилию провинившегося из списков претендентов на издание своей книги. Самое обидное здесь то, что теперь, по прошествии времени, невозможно отыскать даже следа от той, первой, рукописи – почти все свои стихи Э.С. раздавал каким-то случайным знакомым и приятелям, которые вились

вокруг него на протяжении всей его жизни. Конечно, неудача со сборником сильно ударила по поэту. Подрабатывая то здесь, то там в качестве художника-оформителя, он продолжал работать и в литературе, не изменив, впрочем, ни образа жизни, ни алкогольного времяпрепровождения. Только к концу восьмидесятых годов забрезжила какая-то возможность опубликовать книгу. Она вышла в 1990 году в составе коллективного сборника «Переключка» (Стихи и поэмы. Книга в книге). «Переключка» объединила под своим переплетом семерых очень разных по настроениям и манере творчества поэтов: Сергея Воробьева, Иосифа Гальперина, Михаила Ерилина, Нину Зимину, Эдуарда Смирнова, Светлану Хвостенко и Игоря Цаголова. Подзаголовок «Книга в книге» был призван подчеркнуть, что под одной обложкой сосуществует семь совершенно разных книг совершенно разных авторов. Башкирскоиздату и тогда частенько приходилось идти на различные ухищрения, экономя позиции в годовом тематическом плане. Редактором-составителем книги был Николай Грахов. И ему пришлось помучиться со Смирновым: Э.С. очень долго не сдавал рукопись. При разговоре выяснилось, что значительную часть своих стихов он просто раздарил каким-то случайным людям и поэтому рукопись ему составлять не из чего. Нужно было что-то срочно решать! И тут вспомнилось следующее: когда-то, за несколько лет до этого события, Н. Грахов время от времени перепечатывал для Смирнова написанные им новые стихи, т.к. имел личную печатную машинку (редкость в те годы). И так, к счастью, случилось, что, отдавая ему первые два экземпляра его стихов, он оставлял себе третий экземпляр, потому что по тем временам надежды на то, что когда-нибудь выйдет полноценная книга стихов Эдуарда Смирнова ни у кого не было... Так, с грехом пополам, и появился на свет его первый сборник, озаглавленный им «Дом с нарисованным окном». Вторая книга стихов Эдуарда «Грузчик и Роза» вышла в городе Перми в серии «Классики пермской поэзии», выпуск 9-й, в издательстве «Арабеск» в 1993 году. Инициатором ее издания выступил Виталий Кальпиди. Второй сборник был дополнен еще двенадцатью стихотворениями и отрывками из поэмы «Грузчик и Роза». Вот что было написано в предисловии к этому сборнику: «...Дар поэта – это небесный подарок. Тому, кто плюет в лик дарящему, не будет пощады в этой жизни: его ждет деструкция, а проще – разложение. Судьба одаренного стихотворца Эдуарда Смирнова ужасна. Он сделал настолько мало, если судить по тому, на что он был способен, что... да тут и говорить нечего: все и так понятно. Но у Эдуарда есть шанс: все начать сначала. Это практически невозможно, а значит, и должно быть осуществимо, если перед

нами настоящий художник. Я не прошу у Смирнова прощения за резкие слова, пока что он сам нуждается в прощении у обворованных им читателей». Очень трудно сейчас судить о том, как сумел поэт ответить на это обвинение. Известно только, что Э.С. продолжал писать практически до последних дней. Впоследствии все написанное Смирновым было вывезено родственниками его жены в Англию, и дальнейшая судьба его рукописей неизвестна.

*«В разваленной квартире
у Эдика Смирнова
мы спорили о мире
и пили бестолково –
кипячая трава
веселой круговерти
нас уверяла: слава –
недалека от смерти!..» (Н. Грахов)*